ДѢЙСТВІЯ

2-ГО БАТАЛІОНА ШИРВАНСКАГО ПОЛКА ПОДЪ ГУНИБОМЪ.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ:

ПОКОРЕНІЕ ДАГЕСТАНА ВЪ 1859 ГОДУ (*).

Въ № 11 „Военнаго Сборника“ 1863 года помѣщена статья: „Покореніе Дагестана въ 1859 году“ (изъ дневника кавказца), подписанная буквами С. К. Авторъ этой статьи писалъ ее въ опровержение статьи г. Д. Г., подъ заглавіемъ: „Обзоръ послѣднихъ событій на Кавказѣ“. Чтобы пріобрѣсть болѣе довѣрія читателей, авторъ выставилъ себя дѣйствующимъ лицомъ, упоминая, что онъ имѣлъ счастіе находиться въ отрядѣ генералъ-адъютанта барона А. Е. Врангеля, а въ день штурма Гуниба былъ при генералѣ Кесслерѣ и участвовалъ въ бою вмѣстѣ съ ширванцами. Статья г. Д. Г. мнѣ неизвѣстна, но я уже нѣсколько разъ читалъ о дѣлѣ ширванцевъ, которыхъ будто бы двинулъ полковникъ Кононовичъ, при штурмѣ Гуниба, и потому я считалъ это только повтореніемъ ошибки первой реляціи, писанной наскоро послѣ боя, когда участіе каждой части войскъ не было въ подробности извѣстно. Но г. кавказецъ, который въ своемъ дневникѣ, на страницахъ 74-й,

---

(*) См. «Военный Сборникъ» за 1863 г., № 11, статья: «Покореніе Дагестана въ 1859 г.»

75-й и 76-й, заявляетъ печатно, что онъ дрался съ ширванцами въ пещерѣ противъ горцевъ, долженъ былъ знать обстоятельства дѣла лучше, а не писать свои фантазіи и выдавать ихъ за истину. Я никогда не выступалъ на литературное поприще; но дневникъ г. кавказца вызвалъ меня заявить печатно о дѣлѣ ширванцевъ, въ которомъ я былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, 25-го августа, при штурмѣ Гуниба.

23-го августа, вечеромъ, когда уже смерклось, полковникъ Кононовичъ, съ 1-мъ баталіономъ Ширванскаго полка, которымъ командовалъ маіоръ Лященко, отправился къ стѣнамъ Гуниба, а съ нимъ инженеры: капитанъ Фалькенгагенъ и поручикъ Зыбинъ; полковникъ Кононовичъ — съ цѣлію расположить цѣпь и резервы какъ можно ближе и удобнѣе подъ стѣнами Гуниба, съ восточной стороны, а гг. инженеры—чтобы розыскать мѣсто, удобное для устройства брешъ-батареи. Въ прикрытіе инженеровъ были вызваны 60 человѣкъ охотниковъ изъ ввѣреннаго мнѣ 2-го баталіона, и съ ними вызвался идти поручикъ Запорощенко. Въ часъ ночи полковникъ Кононовичъ, съ инженерными офицерами и охотниками, возвратился въ лагерь, оставивъ 1-й баталіонъ на позиціи подъ стѣнами Гуниба. Отъ инженеровъ, жившихъ у меня въ палаткѣ, я узналъ, что поиски ихъ объ удобномъ мѣстѣ для устройства брешъ-батарей были безуспѣшны, что команда охотниковъ была открыта непріятелемъ и осыпана градомъ пуль и камней, которыми пять человѣкъ слегка ранены. То же донесъ мнѣ и поручикъ Запорощенко. 24-го августа я получилъ приказаніе полковника Кононовича вечеромъ выступить съ тремя ротами подъ стѣны Гуниба, смѣнить 1-й баталіонъ и не предпринимать никакихъ наступательныхъ дѣйствій противъ Гуниба. При этомъ инженеръ-капитанъ Фалькенгагенъ просилъ меня осмотрѣть повнимательнѣе мѣстность, не найду ли я прикрытаго мѣста для устройства брешъ-батареи. Передъ вечеромъ заѣхалъ въ нашъ лагерь адъютантъ Граббе и сообщилъ, что онъ возвращается изъ апшеронскаго лагеря, куда передалъ приказаніе генералъ-адъютанта барона Врангеля охотничьей командѣ Апшеронскаго полка сдѣлать ночью попытку взойти на Гунибъ. Съ этими порученіями и свѣдѣніями, въ девять часовъ вечера, я выступилъ изъ лагеря съ 5-й и 8-й стрѣлковыми ротами и, прійдя подъ стѣны Гуниба, смѣнилъ маіора Лященко, который съ 1-мъ баталіономъ отправился въ лагерь. Въ двѣнадцать ча-

совъ ночи я съ 40 охотниками отправился осматривать мѣстность и нашелъ, во ста шагахъ отъ стѣнъ Гуниба, двѣ глыбы скалъ, на близкомъ разстояніи одна отъ другой, и между ними удобное мѣсто для помѣщенія трехъ орудій. Скалы могли прикрыть прислугу отъ навѣсныхъ выстрѣловъ изъ боковыхъ заваловъ, а фронтъ можно было бы прикрыть турами. Съ этимъ открытіемъ я возвратился въ цѣпь. Изъ лагеря пришелъ ко мнѣ инженеръ-поручикъ Зыбинъ и привелъ товарища своего, инженеръ поручика Тотлебена, горѣвшаго нетерпѣніемъ побывать въ бою, хотя болѣзненное состояніе его требовало рѣшительнаго леченія, а не бивуачной прохлады. Зыбинъ возвратился въ лагерь, а Тотлебенъ остался со мною ночевать. Съ непріятелемъ велась ночью пустая, безвредная перестрѣлка и крупная брань на словахъ. На разсвѣтѣ Тотлебенъ дрожалъ отъ холода и потому отправился въ лагерь. Я поручилъ ему передать Фалькенгагену о моей находкѣ и просилъ пригласить его ко мнѣ, чтобы онъ самъ могъ осмотрѣть избранное мною мѣсто. Едва Тотлебенъ пошелъ, какъ батарея Шамиля открыла по цѣпи огонь изъ трехъ орудій картечью; вмѣстѣ съ тѣмъ и ружейная перестрѣлка въ цѣпи закипѣла живѣе. Болѣе часа длилась эта перестрѣлка. Непріятельскія орудія сдѣлали 19 картечныхъ выстрѣловъ по нашей цѣпи, и вдругъ выстрѣлы замолкли. Я схватилъ зрительную трубу, навелъ ее на высоты и замѣтилъ суматоху на непріятельской батареѣ. Изъза заваловъ начали показываться головы мюридовъ. Слышно было, что они что-то кричатъ другъ другу, но что именно, разобрать было нельзя. Въ памяти моей блеснуло вчерашнее приказаніе апшеронцамъ идти на Гунибъ; воображеніе представило, что они уже дерутся въ рукопашную, и я крикнулъ моимъ ротамъ: „ура! на Гунибъ, братцы!“ Бѣгомъ бросились мы къ непріятельскимъ стѣнамъ. Паническій страхъ овладѣлъ горцами: какъ стая испуганныхъ воробьевъ, они поднялись изъза стѣнъ и заваловъ, бросились бѣжать вверхъ и тѣмъ открыли себя нашимъ выстрѣламъ. Въ одну минуту мы были у стѣны, построенной на скатѣ горы, бойницы которой были слишкомъ высоки для насъ; поэтому я приказалъ солдатамъ становиться другъ другу на плечи и занять бойницы; вслѣдъ затѣмъ начали ломать ворота. Въ это время горцы столкнули съ батареи одно горное орудіе съ лафетомъ, которое, звеня, пролетѣло надъ нашими головами. Ворота не уступа-

ли нашимъ усиліямъ. Вслѣдствіе этого прапорщикъ Корганов, а за нимъ нѣсколько солдатъ были пересажены черезъ стѣну. Съ неимовѣрною быстротой они разбросали дрова и камни, заграждавшіе ворота, на столько, что мы ползкомъ могли поодиночкѣ протискаться въ ворота. Едва сто человѣкъ перебрались за стѣну, я быстро двинулся вслѣдъ за отступавшимъ непріятелемъ, чтобы не дать ему времени опомниться и запереть вторыя ворота на верхнемъ уступѣ. Преслѣдованіе по горной тропинкѣ на высоты продолжалось на протяженіи болѣе трехъ верстъ. Многіе горцы, утомленные быстрымъ бѣгомъ и не надѣясь удержать насъ, садились у дорожки, надѣвали свои папахи на винтовки и сдавались намъ въ плѣнъ. Добѣжавъ до вторыхъ воротъ, которыхъ горцы не успѣли затворить, я остановился навремя, пока стянутся роты, и затѣмъ ворвался. Горцы поджидали насъ за воротами, у опушки лѣса; но нашъ дружный залпъ и ударъ въ штыки отбросили ихъ въ лѣсъ. Занявъ опушку цѣпью, я подождалъ, пока соберутся отсталые солдаты, и когда большая часть людей собрались, я расположилъ за воротами, гдѣ по высотамъ оставалось еще много горцевъ, стрѣлковую роту съ поручикомъ Запорощенко, чтобы прикрыть нашъ тылъ; 10 человѣкъ, съ однимъ унтеръ-офицеромъ, я поставилъ у воротъ извнутри, для прикрытія ихъ и двухъ отбитыхъ орудій; 8-й ротѣ, съ капитаномъ Самойловичемъ, я приказалъ занять цѣпью лѣсъ, а самъ, съ 5-ю ротою и капитаномъ Бѣляевымъ, побѣжалъ въ обходъ лѣса, чтобы отрѣзать партію горцевъ отъ аула Гунибъ. При мнѣ находился прапорщикъ Органовъ. Въ это время мы замѣтили, на высотахъ съ правой нашей стороны, штыки: то былъ 3-й баталіонъ Ширванскаго полка, изъ колонны генералъ-маіора Торханъ-Моуравова. Едва я обогнулъ лѣсъ, какъ увидѣлъ за нимъ, на чистой скалистой покатости, двѣ партіи, изъ которыхъ одна только что вышла изъ лѣса, а другая была уже на срединѣ площадки. Ружейный огонь 5-й роты заставилъ первую партію бѣжать обратно въ лѣсъ, а вторую сдаться въ плѣнъ и спуститься ко мнѣ внизъ. Въ это время подскакалъ ко мнѣ адъютантъ и именемъ генерала Кесслера приказалъ остановиться. Обезоруживъ 60 человѣкъ плѣнныхъ и оставивъ 15 человѣкъ съ унтеръ-офицеромъ для ихъ конвоя, я отправилъ 5-ю роту, съ капитаномъ Бѣляевымъ, для занятія высо надъ лѣсомъ и приказалъ ему оттуда ударить въ штыки чтобы выбить не-

пріятеля изъ лѣса. Прапорщика Корганова, съ двумя конвойными, послалъ я за стрѣлковой ротой, для встрѣчи непріятеля, когда онъ будетъ выбитъ изъ лѣса. Въ это время проѣхалъ генералъ Кесслеръ и сообщилъ мнѣ, что съ другой стороны аула стоятъ апшеронцы, къ которымъ онъ ѣдетъ; при этомъ онъ приказалъ мнѣ занять всѣ тропинки, чтобы не упустить Шамиля, если онъ вздумаетъ бѣжать. Едва 5-я рота начала наступленіе и стала выбивать горцевъ изъ лѣса, пріѣхалъ полковникъ Кононовичъ и передалъ мнѣ, что 1-й баталіонъ идетъ на Гунибъ, куда и долженъ скоро прибыть. Онъ повернулъ лошадь и поѣхалъ ускорить приходъ 1-го баталіона, а я, оставшись съ десятью конвойными и со своимъ казеннымъ деньщикомъ, сталъ поджидать подкрѣпленія. Горцы, окончательно выбитые изъ лѣса, ринулись въ долину поодиночкѣ, кучами и наконецъ цѣлой толпой. Вся эта партія состояла изъ отчаянныхъ мюридовъ, которыми предводительствовалъ бѣглый абрекъ Таймасъ, извѣстный удалецъ и любимецъ Шамиля, бывшій прежде нукеромъ у покойнаго шамхала Тарковскаго. Таймасъ наткнулся на прапорщика Корганова, который убилъ его изъ револьвера. (*)

Партія до 100 человѣкъ прорвала цѣпь 8-й роты и бросилась къ воротамъ, въ которыя я вошелъ. Тамъ мой унтеръ-офицеръ и 10 рядовыхъ загородили имъ дорогу. По трупамъ этихъ храбрецовъ партія прошла за ворота и лицомъ къ лицу, на горной тропинкѣ, столкнулась съ 1-мъ баталіономъ маіора Лященко. Партія вновь бросилась въ рукопашный бой; но часть ея пала на мѣстѣ, а остальные сдались въ плѣнъ. 1-й баталіонъ потерялъ при этомъ 18 человѣкъ убитыми и ранеными. Маленькая шайка, до 20 человѣкъ, пробѣжала вблизи меня и засѣла въ пещерѣ на руслѣ рѣки. Мой деньщикъ и конвойные бросились ихъ преслѣдовать и окружили пещеру; къ нимъ присоединились конвойные полковника Кононовича и еще нѣсколько въ-одиночку шедшихъ солдатъ. Вся эта толпа, воодушевляемая моимъ деньщикомъ Григоріемъ Шептуновымъ, бросилась на штурмъ пещеры; Шептуновъ былъ впереди всѣхъ. Бой былъ убійственный: мюриды легли на мѣстѣ, но за то досталось и нашимъ молодцамъ. Шептунову выпали на долю двѣ раны шашкою по головѣ, которою разрубленъ черепъ, ударъ

(*) Три знака отличія, данные Таймасу Шамилемъ и снятые съ него Коргановымъ, находятся у меня.

кинжаломъ по лѣвой рукѣ, послѣ котораго онъ не владѣетъ пальцами, и пуля въ правый бокъ, которая, пройдя брюшную полость, раздробила лѣвую берцовую кость (*).

Въ пещерѣ найденъ былъ грудной ребенокъ женскаго пола, но женщины убитой не было. Сколько мнѣ извѣстно, во время боя не было офицера другаго полка. Прапорщикъ Вріони также не участвовалъ въ бою, а поднесъ только ребенка командиру полка послѣ боя. Этими дѣлами и окончился на Гунибѣ бой ширванцевъ колонны полковника Кононовича. Съ 1-мъ баталіономъ прибыла на Гунибъ артиллерія и стала стрѣлять по аулу. Переговорщики Шамиля просили остановить дѣйствіе артиллеріи, потому что имамъ намѣренъ сдаться, и затѣмъ начались переговоры о сдачѣ Шамиля. При началѣ штурма Гуниба, полковникъ Кононовичъ былъ въ разоренномъ аулѣ подъ Кегерскими высотами, верстахъ въ пяти отъ у меня, генерала Кесслера, котораго онъ просилъ дать ему въ помощь войскъ, такъ какъ его 1-й и 2-й баталіоны безъ отдыха на службѣ, днемъ плетутъ туры, а ночью лежатъ въ цѣпи. Слѣдовательно, онъ и не могъ мнѣ отдавать приказаній. Маіоръ Лященко, услышавъ, что я пошелъ на Гунибъ, самъ двинулся со своимъ баталіономъ за мной. 2-й баталіонъ въ дѣлѣ на Гунибѣ потерялъ убитыми и ранеными 43 человѣка; въ томъ числѣ былъ легко раненъ капитанъ Самойловичъ. За дѣло на Гунибѣ, дума георгіевскихъ кавалеровъ удостоила меня орденомъ св. Георгія 4-й степени, а четыре офицера моего баталіона получили другія награды.

И въ другихъ мѣстахъ записокъ г. кавказца я нашелъ значительныя ошибки: такъ, на страницѣ 55-й, онъ пишетъ, что генералъ Ракуса былъ посланъ, съ однимъ стрѣлковымъ баталіономъ, со взводомъ горной артиллеріи и Дагестанскимъ конно-иррегулярнымъ полкомъ, для занятія переправы чрезъ Андійское-койсу, тогда какъ съ генераломъ Ракусою были посланы еще два баталіона Дагестанскаго пѣхотнаго полка, несшіе складной мостъ на сагратлинскую переправу.

На 56-й страницѣ сказано, что 15-го числа отрядъ генерала Ракусы былъ усиленъ двумя баталіонами, тогда какъ въ этотъ день изъ пѣхоты только я, со вторымъ баталіономъ Ширванскаго полка, былъ назначенъ конвоировать генерала

(*) За оказанную имъ храбрость, онъ, какъ нестроевой, Высочайшимъ приказомъ награжденъ знакомъ военнаго ордена св. Георгія 4-й степени.

Врангеля къ сагратлинской переправѣ, гдѣ и оставленъ для усиленія колонны генерала Ракусы; генералъ же Врангель возвратился въ Аргуанъ съ одной кавалеріей.

На страницѣ 68-й, г. кавказецъ говоритъ: „10-го августа войска расположились вокругъ Гуниба въ слѣдующемъ порядкѣ: на восточномъ фасѣ, со стороны аула Кегеръ, два баталіона Ширванскаго полка, при четырехъ горныхъ орудіяхъ, подъ командою командира того же полка, полковника Кононовича; на сѣверномъ фасѣ, подъ командою генералъ-маіора Тарханъ-Моуравова, другіе два баталіона Ширванскаго полка....“ тогда какъ ширванцевъ 10-го августа вовсе не было на позиціи. Я же, со вторымъ баталіономъ, въ этотъ день выступилъ съ Бетлинскихъ высотъ къ аулу Эгали, для встрѣчи князя-намѣстника, откуда конвоировалъ штабъ его до Кегерскихъ высотъ съ четырьмя ротами, а 7-ю роту оставилъ съ вагенбургомъ на Бейлинскихъ высотахъ; 18-го числа, вслѣдъ за намѣстникомъ, прибылъ я, съ его вьюками и штабомъ, на Кегерскія высоты, гдѣ засталъ расположенными лагеремъ остальные три баталіона нашего полка, съ полковникомъ Кононовичемъ. Только 22-го августа ширванцы получили приказаніе выступить на позицію подъ Гунибъ. Изъ нихъ 1-й и 2-й баталіоны расположились лагеремъ съ восточной стороны, подъ командою полковника Кононовича, а 3-й и 4-й съ сѣверной стороны, подъ командою генерала Тарханъ-Моуравова.

На страницѣ 72-й, г. кавказецъ говоритъ: „23-го августа 4-й баталіонъ Ширванскаго полка занялъ позицію неподалеку отъ гунибскихъ укрѣпленій, помѣстивъ стрѣлковъ за каменьями; резервъ остановился въ очищенномъ жителями хуторѣ“. Гунибскія укрѣпленія расположены съ восточной стороны, гдѣ находились на позиціи 1-й и 2-й баталіоны, и первый изъ нихъ занялъ эту позицію.

Изъ этихъ замѣтокъ читатели могутъ заключить, что г. кавказецъ не совсѣмъ вѣрно велъ свой дневникъ.

Бывшій командиръ 2-го баталіона Ширванскаго полка

ШТАНГЕ.